

**Юрий ПЕТРОВ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН**

В КАНУН МИРОВОЙ ВОЙНЫ РОССИЯ ВЫШЛА НА ТРАЕКТОРИЮ ЗДОРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА, КОТОРАЯ, НЕ СЛУЧИСЬ ВОЙНЫ И ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА, МОГЛА БЫ ВЫВЕСТИ СТРАНУ В ЧИСЛО ВЕДУЩИХ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ МИРА И ОБЕСПЕЧИТЬ ЕЙ МИРНУЮ, ЭВОЛЮЦИОННУЮ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.

ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Россия, как известно, принадлежала к числу государств "догоняющего" типа экономического развития, вступив на путь современного индустриального роста позже ведущих стран Западной Европы и США. Насколько органичен или, напротив, зависим от внешних факторов был этот рост и в какой мере крупнейшей в мире империи удалось "догнать и перегнать" ушедших вперед западных конкурентов? В общественном мнении со времен "Краткого курса истории ВКП (б)" получил распространение тезис о глубокой отсталости и полуколониальной зависимости России, о неспособности царского правительства спасти страну от иноземной кабалы, от которой-де избавила народ Октябрьская революция.

Согласно теории "зависимого капитализма", в полуколониальных и колониальных странах экономический рост целиком определялся внешними факторами. Характерными симптомами такой экономической модели являлось искусственное перенесение новейших хозяйственных структур в малоразвитые страны и нарушение вследствие этого естественного цикла экономического развития; образование в этих странах замкнутых внешнеэкономических анклавов, органически не связанных с окружающей их общественно-хозяйственной средой и ориентированных в своем развитии на удовлетворение нужд метрополии. В результате такой ориентации происходило складывание своеобразной "филиальной" народнохозяйственной структуры, "привязанной" к экономике метрополии в качестве ее аграрно-сырьевого придатка.

Как же обстояло дело в предреволюционной России? История зарождения и роста отечественной промышленности была неразрывно связана с органическим процессом разложения натурального хозяйства и развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве. Еще в дореформенную эпоху наметились две линии индустриального прогресса. Первая была связана с применением западных форм крупного промышленного (мануфактурного) производства на основе использования принудительного труда крепостных крестьян. По этому пути развивались горно-металлургическая индустрия Урала, а также отрасли, где проявило себя дворянское предпринимательство (винокурение, суконное, полотняное, свеклосахарное и др. производства). Путь этот в конечном счете оказался тупиковым, и с отменой крепостного права "дворянская" промышленность либо захирела, либо перешла на рельсы нового экономического строя, в основе которого лежало частное предпринимательство и наемный труд.

Именно эта вторая модель индустриального роста, зародившаяся еще в дореформенную эпоху, стала магистральной линией экономического роста в позднеимперский период. В основе ее лежало возникновение промышленных предприятий на наемном труде крепостных крестьян, которых помещики переводили на денежный оброк. В поисках средств для его уплаты такие крестьяне либо уходили в города, либо занимались отхожими промыслами у себя в деревне. На этом пути, в частности, выросла российская хлопчатобумажная промышленность. Именно крестьянская текстильная промышленность, возникновение которой в конце XVIII - начале XIX в. стало результатом разрушения натурального хозяйства, послужила основой складывания индустриального развития страны. Работавшая на широкий потребительский рынок, сравнительно независимая (по сравнению с тяжелой индустрией) от казенных заказов и иностранных инвестиций, выросшая от крестьянских "светелок" до оборудованных по последнему слову западной техники текстильных комбинатов, текстильная индустрия, сосредоточенная, прежде всего, в Центральном районе, послужила залогом органического и автономного промышленного роста страны.

И хотя удельный вес текстильного производства с появлением в пореформенный период других промышленных отраслей (прежде всего тяжелой индустрии) постепенно снижался, вплоть до 1913 г. она оставалась самой крупной отраслью российской промышленности. На его долю к тому времени приходилось около 30% валовой стоимости промышленной продукции (см. табл. 1). А общая доля всех отраслей, рост которых был результатом рыночной эволюции сельского

хозяйства (текстильной, пищевой, обработки животных продуктов), - накануне Первой мировой войны составляла около 55%.

Таблица 1			
ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ (МЛН РУБ.) *			
Год	1887 (% к итогу)	1900 (% к итогу)	1913 (% к итогу)
Текстильная	453,8 (32,4)	805,2 (26,1)	1854,9 (28,6)
Пищевая	451,0 (32,2)	767,4 (24,9)	1143,7 (22,3)
Обработка животных продуктов	64,0 (4,6)	118,8 (3,8)	240,4 (3,7)
Горнозаводская	185,8 (13,2)	671,6 (21,8)	1182,4 (18,3)
Металло-обработывающая	114,4 (8,2)	357,8 (11,6)	769,0 (11,9)
Химическая	54,8 (3,9)	131,2 (4,2)	478,6 (7,4)
Строительных материалов	29,0 (2,1)	80,7 (2,6)	187,7 (2,9)
Дерево-обработывающая	48,1 (3,4)	153,3 (5,0)	315,4 (4,9)
Всего (прирост в % к 1887 г.)	1400,9 (100)	3086,0 (220,3%)	6472,1 (462,0%)
*Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений. М., 1988. С. 63. Табл. 5. Подсчеты процентного соотношения наши.			

В результате бурного индустриального роста объем промышленного производства за 1887-1913 гг. вырос в 4,6 раза. Особенно динамично развивалась тяжелая промышленность - металлообработка и горнозаводская индустрия - металлургия, угле- и нефтедобыча. На изменения отраслевой структуры решающим образом повлияло широкое железнодорожное строительство 1860-1880-х годов, потребовавшее создания ряда новых отраслей. Гигантский скачок в своем индустриальном развитии Россия совершила в 1890-х годах, в период бурного экономического подъема. За десятилетие промышленное производство в стране удвоилось, причем более 60% прироста приходилось на долю нового промышленного района - Юга России.

"Темпы роста царской экономики, - по наблюдению американского экономиста П. Грегори, - были относительно высоки с точки зрения мировых стандартов конца XIX - начала XX века. Россия принадлежала к группе стран с наиболее быстро развивающейся экономикой, как США, Япония и Швеция". По важнейшим экономическим показателям Россия значительно приблизилась к ведущим странам Запада. По абсолютным размерам добычи железной руды, выплавке чугуна и стали, объему продукции машиностроения, промышленному потреблению хлопка и производству сахара она вышла на четвертое-пятое место в мире, а в нефтедобыче на рубеже XIX - XX вв. стала даже мировым лидером благодаря созданию Бакинского нефтепромышленного района. Протяженность российской железнодорожной сети являлась второй в мире, уступая только США.

Динамика 1890-х годов была на время прервана экономическим кризисом 1899-1903 гг., который начался как кризис биржевой, приведший к краху ряд крупных дельцов, таких как железнодорожный строитель П.Г. фон Дервиз и знаменитый меценат С.И. Мамонтов. Затем кризис распространился и на производящую сферу, особенно отразившись на отраслях тяжелой индустрии, таких как металлургия, металлообработка и машиностроение, добыча и переработка нефти. Обострив до предела конкурентную борьбу, кризис вызвал гибель множества предприятий, слабых в финансовом, организационном или техническом отношении. В период экономического

кризиса 1900-1903 гг. закрылось около 3 тыс. фабрик и заводов, не находивших сбыта своей продукции на внутреннем рынке. Менее пострадала от кризиса легкая промышленность, сумевшая в 1900-1908 гг. в 1,5 раза увеличить выпуск продукции (сказался рост покупательной способности крестьян, освобожденных в 1905 г. от выкупных платежей).

Толчком к новому промышленному подъему послужила череда урожайных лет. В 1909 г. валовой сбор хлебов составил 4,7 млрд пудов, почти на 1 млрд больше, чем в 1908 г. Высоким урожаем зерновых отличались и последующие годы вплоть до мировой войны. В 1909 г. после длительного застоя в России начался новый промышленный подъем, в 1909-1913 гг. объем индустриального производства в стране вырос в 1,5 раза. Наиболее высокими темпами развивалась металлообрабатывающая промышленность, продукция которой выросла на 89%, в текстильном производстве - на 47%. В результате удельный вес продукции тяжелой промышленности в общем выпуске индустриальной продукции, упавший во время кризиса и депрессии 1904-1908 гг., вновь поднялся и к 1914 г. приблизился к 40%.

Заметно изменилась и организационная структура промышленности. Кризис 1899-1903 гг. дал толчок развитию монополистических (олигополистических) объединений. В 1900-х годах монополии, действовавшие, как правило, в тесном союзе с банками, утвердились во всех основных отраслях российской промышленности, в особенности в тяжелой индустрии, которой остро не хватало рынка сбыта продукции. В черной металлургии господствующие позиции занял синдикат "Продамет", образованный в 1902 г., в машиностроении - картель "Продпаровоз" (1901 г.) и синдикат "Продвагон" (1904 г.), добыча угля на Юге страны была монополизирована объединением "Продуголь" (1906 г.) и т.д. В нефтяной промышленности сложилась своеобразная олигополия двух мощных группировок, одна из которых возглавлялась российской фирмой "Братья Нобель", а другая - парижским банком Ротшильдов. Следует подчеркнуть, что монополистические соглашения того периода распространялись главным образом на область сбыта продукции и ни в коей мере не вели к техническому и производственному застою, тому "загниванию капитализма", на котором настаивал В.И. Ленин. К тому же они оказывались малопригодными в отраслях, которые обслуживали массовый спрос и выпускали недостаточно унифицированные изделия, как, например, в текстильной промышленности.

Промышленные подъемы конца XIX века и 1909-1913 гг. существенно продвинули страну по пути индустриального развития. Согласно расчетам, выполненным сотрудниками аппарата Лиги Наций в рамках сравнительного изучения процессов индустриализации и развития международной торговли, доля России в мировом промышленном производстве, составлявшая в 1881-1885 гг. 3,4%, возросла к 1896-1900 гг. до 5,0%, а к 1913 г. - до 5,3% (см. табл. 2).

Таблица 2			
ДОЛИ РОССИИ, США, ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ В МИРОВОМ ПРОМЫШЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ (В %) *			
Страны	1881-1885 гг.	1896-1900 гг.	1913 г.
Россия	3,4	5,0	5,3
США	28,6	30,1	35,8
Великобритания	26,6	19,5	14,0
Германия	13,9	16,6	15,7
Франция	8,6	7,1	6,4

*Россия. 1915 год. Статистико-документальный справочник. Отв. ред. АЛ. Карелии. СПб., 1995. С. 57. Табл. 8.

Между тем доли передовых индустриальных государств, за исключением США, с конца XIX в. стали снижаться. Россия устойчиво опережала их по темпам роста промышленного производства, вследствие чего ее отставание от Великобритании сократилось в 1885-1913 гг. втрое, а от Германии - на четверть. Тем не менее, разница оставалась еще очень значительной: накануне мировой войны Россия производила промышленной продукции в 2,6 раза меньше, чем Великобритания, и в 3 раза - чем Германия. Что касается Франции, то по абсолютным показателям валового промышленного производства Россия уже к началу 900-х годов вплотную приблизилась к

ней, превзойдя ее по выпуску ряда ключевых видов промышленной продукции: минерального топлива, стали, машин, хлопчатобумажных тканей и др.

Гораздо менее заметны были сдвиги при расчете продукции индустрии на душу населения, что в немалой степени объяснялось чрезвычайно высоким темпом прироста населения страны. Обращая внимание на контрасты социально-экономической эволюции страны, английские историки А. Милворд и С. Соул отмечали в своем исследовании экономической истории континентальной Европы: *"Россия была страной крайностей - в климате, в роскоши и в нужде, в примитивном сельском хозяйстве и в самой современной сталелитейной промышленности в Европе... Ее население было столь велико и росло столь быстро, что усилия, которые были бы успешными в других условиях, оказывали малое экономическое воздействие..."* Рост населения, и прежде всего сельского, сводил почти на нет успехи российской индустриализации. Доля России в мировом промышленном производстве (5,3% в 1913 г.) далеко не соответствовала доле ее населения среди жителей земного шара (10,2%). Из отдельных видов промышленной продукции исключение составляли только нефть (17,8% мировой добычи) и сахар (10,2%). По производству промышленной продукции на душу населения Россия продолжала находиться на уровне Италии и Испании, уступая во много раз передовым индустриальным державам.

И в начале XX в. Россия продолжала оставаться страной аграрно-индустриальной со значительным преобладанием сельскохозяйственного производства над промышленным. При этом и в сельском хозяйстве, где по ряду позиций (сборы пшеницы, ржи, льна, пеньки и др.) она занимала лидирующее положение, производство продукции на душу населения в России было более низким, чем в целом ряде европейских аграрно-индустриальных и индустриально-аграрных (Великобритания, Германия) стран.

Следует, конечно, иметь в виду, что, в отличие от западноевропейских государств, колониальные владения которых были отделены от метрополий морями, Россия представляла собой империю, в которой в едином государственно-территориальном комплексе оказались слиты метрополия и колонии, находившиеся на гораздо более низких стадиях развития. Около 9/10 промышленной и земледельческой продукции Российской империи приходилось на ее европейскую часть. Однако и с этой поправкой следует признать, что Россия в начале XX в. только вступила в фазу перехода к индустриально-аграрному обществу.

Обнадеживающую в этом смысле динамику рисуют нам цифры темпа роста национального дохода. В 1885-1913 гг. среднегодовой прирост валового национального продукта в России был заметно выше, чем в странах Западной Европы: 3,4% против 2,7%. Но в результате более высокого темпа роста населения (1,6% в год против 1,1%), обусловленного огромным преобладанием в общей структуре населения сельских жителей и низкой в целом производительностью земледельческого труда, среднегодовой прирост душевого национального продукта в России лишь ненамного превышал соответствующие показатели в Западной Европе: 1,75% против 1,6%. Но все же цифры эти свидетельствуют, что ускорение, придававшееся развитию отечественного народного хозяйства динамичными его компонентами, брало верх над тормозящим воздействием неблагоприятных факторов экономического роста.

Таблица 3		
СТРУКТУРА НАРОДНОГО БОГАТСТВА РОССИИ НА 1 ЯНВАРЯ 1914 г. *		
Составные части народного богатства	Народное богатство на 1 января 1914 г. (млн руб.)	% к итогу
Сельское хозяйство, лесоводство, рыболовство и охота	24043	34,8
Промышленность, включая мелкую	6083	8,8
Транспорт и связь	7300	10,5
«Городские фонды», в т.ч. производственные и непроизводственные строения	11934	17,3
Государственное имущество (военное)	2942	4,3

имущество, тюрьмы, казенные учреждения)		
Имущество учреждений культа	1131	1,6
Индивидуальное потребительское имущество	13835	19,6
Все народное богатство	69193	100,0
*Россия. 1913 год. С. 32-33. Табл. 1.		

О структуре народного богатства дореволюционной России кануна мировой войны дает представление таблица 3, в которой отражены соответствующие расчеты советского экономиста А.Л. Вайнштейна.

Как видим, стоимость основных элементов народного богатства, связанных с промышленным производством и его инфраструктурой (промышленность, транспорт и связь), еще почти вдвое уступала фондам, отражающим традиционный уклад экономической деятельности (сельское хозяйство). По уточненным данным американских исследователей П. Грегори и А. Кагана, взявших в расчет только производственные, не потребительские элементы народного богатства, стоимость сельскохозяйственных производственных фондов к 1914 г. равнялась 13089 млн руб., промышленных - 6258, железнодорожных - 6680 и фондов торговли - 4565 млн руб. И здесь, хотя очевиден перевес новых форм экономической деятельности, стоимость промышленных фондов империи еще вдвое уступает народному богатству, накопленному в сельскохозяйственном производстве.

Подчеркнем, что заметного экономического прогресса Россия добилась не в последнюю очередь благодаря иностранному предпринимательству и заграничным инвестициям, которые сыграли немалую роль в деле индустриализации страны, облегчив ей первые шаги в этом направлении и подтолкнув создание ряда новых отраслей промышленности. Впрочем, в этом отношении империя принципиально ничем не отличалась от других стран, вступивших на путь капиталистической модернизации с некоторым опозданием и пользовавшихся поддержкой более развитых соседей (например, Германии, в течение XIX столетия совершившей громадный скачок в индустриальном развитии). Плата за помощь капиталами и технологиями ("ноу-хау") была немалой, но, во-первых, хотя услуги иностранных бизнесменов отнюдь не были филантропией и щедро оплачивались, экономический эффект оказывался выше и в конечном счете эти инвестиции работали на дело индустриализации России. Их направления, отраслевая структура обуславливались внутренними потребностями страны. А во-вторых, значение иностранных инвестиций, о решающем вкладе которых в дело экономической модернизации России любит писать западная историография, безусловно, не было определяющим для экономического роста, отечественный капитал сохранял лидирующие позиции в народнохозяйственной системе страны.

Россия, пока еще значительно отстававшая от экономически развитых стран Запада, в то же время ни в коей мере не была "банановой республикой". В канун мировой войны страна вышла на траекторию здорового экономического роста, которая, не случись войны и революции, могла бы вывести империю в число ведущих индустриальных держав мира и обеспечить ей мирную, эволюционную модель экономического развития. Можно согласиться с мнением исследователя российского национального дохода П. Грегори, что "экономический рост и структурные изменения царской экономики в 1885-1913 гг. соответствуют образцу современного экономического роста, который испытали на себе индустриально развитые страны". Разница заключалась лишь в том, что, позже вступив на путь индустриального развития, Россия прошла меньший отрезок этого пути.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА, БЮДЖЕТ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ

"СИСТЕМА ВИТТЕ" В пореформенный период экономическая политика правительства носила крайне противоречивый характер. С одной стороны, правительство способствовало железнодорожному строительству, созданию тяжелой индустрии, росту банков, протекционистской защите отечественной промышленности и тем самым - развитию индустриального производства, а с другой - неуклонно и последовательно отстаивало систему государственного контроля и управления экономикой, отстаивало интересы дворянства, ограничивало свободу предпринимательства, консервировало архаичные порядки в деревне. Политика эта обрела свое

завершение в деятельности С.Ю. Витте, крупнейшего государственного деятеля дореволюционной России, министра финансов в 1892-1903 гг.

Квинтэссенцией его экономических воззрений и министерской практики являлась идея ускоренной индустриализации и создания собственной национальной промышленности, развивающейся "на почве освобождающегося от крепостных уз народного труда" и защищенной от иностранной конкуренции таможенно-протекционистскими мерами. Для этого, по убеждению министра финансов, нужны были "капиталы, знания и предприимчивость", но прежде всего капиталы, как отечественные, так и, в особенности, иностранные. Традиционная нехватка инвестиций задерживает развитие России, хотя по скорости и силе промышленного роста она "стоит впереди всех иностранных экономически развитых государств"

Привлечение иностранного капитала с помощью золотой валюты в различных его формах, займовых, а главным образом инвестиционных, Витте считал основой основ своей финансовой системы. "Приток иностранных капиталов, - докладывал он Николаю II в 1899 г., - является единственным способом ускоренного доведения нашей промышленности до такого положения, при котором она будет в состоянии снабжать нашу страну изобильными и дешевыми продуктами". Министр имел в виду как частные инвестиции, так и поступления по государственным займам, рассматривая иностранные капиталовложения как часть своей протекционистской, основанной на покровительственном таможенном тарифе системы.

Система эта, заметим, не предусматривала коренной аграрной реформы, поощрение промышленного развития проводилось при известной консервации пережитков в сельском хозяйстве, что предопределило диспропорцию темпов развития индустриального и аграрного секторов.

Помимо мер общего характера, создавших благоприятные условия для развития отечественной промышленности (таможенные и железнодорожные тарифы, денежная реформа 1895-1897 гг., льготное налогообложение и др.), существенную роль играла и прямая поддержка финансовым ведомством покровительствуемых им отраслей (машиностроение, химическая и добывающая промышленность и т.п.) путем предоставления казенных заказов, льготных кредитов, регулированием объемов производства для поддержания высоких цен и т.д.

Витте был убежден, что в условиях самодержавного образа правления ускоренное развитие национальной промышленности возможно только за счет интенсивного использования государственного хозяйства и государственного вмешательства в экономику. "В России, - писал он Николаю II в 1895 г., - по условиям жизни нашей страны потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразнейшие стороны общественной жизни, что коренным образом отличает ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину и личной предприимчивости и где государство только регулирует частную деятельность..." В результате и в годы министерства Витте Россия оставалась страной, где не было подлинной свободы частного предпринимательства. Министр финансов, по оценке современников, "был убежденным сторонником капиталистического развития, но он именно ему не подчинялся, старался над ним господствовать, его проводить... Он был, так сказать, просвещенным абсолютистом в области капитализма".

Чрезмерная активность государства в экономической сфере вызывала оппозицию самих деловых кругов. *"Искусственность экономического развития в 90-е годы, - отмечалось позднее лидерами Совета съездов представителей промышленности и торговли, - заключалась, прежде всего, в необычайном поприще народной самодеятельности. Все нити народного хозяйства сходились в кабинет министра финансов: без его соизволения и даже указания ничего нельзя было предпринять. Власть и вмешательство чиновника становились в экономической жизни страны все более невыносимыми"*. Разочарование вызывала и экономическая система Витте в целом, в результате которой *"в XX столетие Россия входит с непомерно выросшей обрабатывающей промышленностью, с крайне отсталым земледелием и с умерщвленной самодеятельностью широких народных масс"*.

Несмотря на полемическую заостренность формулировок, предприниматели четко уловили пороки экономической политики Витте, усугубившей отставание сельского хозяйства и усиление казенного контроля за частнопредпринимательской инициативой (вплоть до 1917 г. в России сохранялась разрешительная система акционерного учредительства, тогда как в странах Западной Европы действовала более прогрессивная явочная, независимая от чиновничьего "усмотрения"). Развитие национальной промышленности неминуемо сталкивалось с узостью внутреннего рынка как следствием стагнации аграрного сектора. В конце своего министерства Витте попытался

взяться за аграрную проблему: в рамках созданного им в 1902 г. Особого совещания по сельскому хозяйству был подготовлен ряд преобразований, предвосхищавших столыпинскую реформу, но реальных результатов здесь глава финансового ведомства не успел добиться, будучи в августе 1903 г. уволен в отставку.

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА 1904-1914 гг. В послевиттевскую эпоху основы финансово-экономической политики оставались в целом неизменными. Одним из краеугольных камней экономической доктрины Витте в области государственных финансов являлось достижение бездефицитного бюджета - задача, над которой безуспешно бились финансовые деятели России XIX века. *"Бюджетное равновесие, - подчеркивал Витте, - представляет основную цель при составлении государственной росписи"*. Той же линии придерживался и наиболее даровитый после Витте руководитель финансового ведомства В.Н. Коковцов, который ликвидацию бюджетного дефицита считал *"основой не только финансового, но и общеэкономического благополучия государства"*.

Коковцов с 1904 по 1914 г., с небольшим перерывом в конце 1905 - начале 1906 гг., возглавлял Министерство финансов, где еще в середине 1890-х годов занимал пост заместителя (товарища) министра. После убийства П.А. Столыпина в 1911 г. Коковцов возглавил и правительство страны, оставаясь на посту председателя кабинета министров до начала 1914 г. После отставки Витте в 1903 г. Коковцов фактически продолжил его политику, одним из основных векторов которой была ориентация на бездефицитный бюджет и усиление притока иностранных капиталов в займовой и инвестиционной форме.

Отечественные экономисты той эпохи остро критиковали политику Витте за долговую зависимость от европейского денежного рынка, упрекая главу финансового ведомства *"за занимание за границей денег направо и налево, на всяких условиях, лишь бы сводить концы с концами и уравнивать всегда невыгодный для нас расчетный баланс"*. Но вместе с тем экспертами признавалось, что долговое бремя не угрожает статусу России как великой державы и даже вообще не является слишком тяжелым по сравнению с другими европейскими странами.

На рубеже XIX-XX вв. во Франции, например, связанные с госзаймами платежи составляли более 30% расходной части бюджета, в Англии - около 20%, тогда как в России - менее 15%. Преемнику Витте на посту министра финансов предлагалось поэтому действовать по русской поговорке: *"клин клином вышибают"*, т.е. не бояться размещать в Европе новые займы, однако вырученные средства направлять не на поддержку валюты и бюджета, как то делал Витте, но, прежде всего, на развитие производительных сил страны. Экономистов вдохновлял пример Соединенных Штатов Америки, которые в широком масштабе привлекали иностранные капиталы и благодаря высоким темпам индустриального развития из хронического должника Европы в начале XX в. стали превращаться в ее кредитора.

Однако бурные события начала XX в., русско-японская война и революционная смута, заставили Коковцова повременить с бюджетным равновесием и использовать новые позаимствования на европейском и внутреннем рынках для покрытия военных расходов и поддержания пошатнувшейся кредитно-денежной системы. Весной 1904 г. сумма затрат на войну с Японией намечалась в пределах 1 млрд руб., исходя из чего и строилась финансовая стратегия. В действительности же военные расходы по бюджету составили 2,3 млрд руб., и финансирование их велось главным образом за счет расширения государственного долга, который за 1904-1905 гг. вырос на 2 с лишним миллиарда - с 6,6 до 8,7 млрд руб. *"Новые займы последних трех лет, - отмечал государственный контролер П.Х. Шванебах в докладе Николаю II, - представляют собой сумму, близкую к той, которая была ассигнована на расходы, вызванные войной с Японией"*.

Всего для покрытия расходов по русско-японской войне в 1904-1906 гг. было выпущено займов на 2125 млн руб., в том числе около 1 млрд руб. составлял долг внешний. Чистая выручка казны выразилась суммой 1913 млн руб. (за вычетом комиссионных посредникам, издержек по выпускам и др.), а выплатить в конечном счете предстояло вдвое больше - 3944 млн руб.! Подводя финансовые итоги несчастной для России войны, бухгалтер государственного казначейства и один из близких сотрудников министра финансов Г.Д. Деметьев подчеркивал, что долги эти на много лет обременили бюджет государства, а платежи по ним *"могут захватить несколько поколений, которые фактически расплачиваются по счетам тех, кто вызвал войну..."* Подобные цифры и выводы были, несомненно, известны и Коковцову, но в чрезвычайных условиях войны и разгоравшейся революции у него не было иного средства сохранения финансовой стабильности, кроме новых займов.

Политические забастовки и вооруженные восстания 1905 г. ввергли страну в пучину экономического хаоса, в котором едва не погибла государственная финансовая система. Основная российская ценная бумага, 4%-я государственная рента, с 94% номинала в начале 1904 г. упала к концу 1905 г. до 71%. Достаточно сказать, что под влиянием революционных событий золотой запас Государственного банка настолько истощился, что в декабре 1905 г. в правительственных кругах был поставлен вопрос о прекращении основанного на золоте денежного обращения, что было бы равносильно признанию государственного банкротства. Избежать его удалось лишь благодаря рекордному займу во Франции.

В середине декабря 1905 г. Коковцов, в то время не вошедший в сформированный Витте кабинет, отправился в качестве агента русского правительства в Париж с поручением добыть для России значительный кредит. Докладывавший в те дни императору о положении финансов империи новый министр И.П. Шипов признавал, что для того, чтобы свести в 1906 г. концы с концами, понадобится заем в 700 млн руб., *"если же такового не удастся заключить, то не остается иного средства, как выпуски кредитных билетов"*, угрожавших стабильности золотого рубля и всей системы государственного кредита. В результате нелегких переговоров с парижской финансовой верхушкой и государственными лидерами Франции Коковцову весной 1906 г. все же удалось заключить заем на 2250 млн франков, или 843 млн рублей по официальному курсу, и тем самым спасти империю от финансового краха.

Выручка от займа составила в валюте выпуска 1878 млн франков, или 83,5% нарицательной суммы. Русское правительство уже в 1906 г. получило от комиссионеров 679 млн рублей и смогло залатать прореху в государственном бюджете. С займом на не слишком выгодных условиях поторопились не в последнюю очередь и потому, чтобы заключить его до открытия I Государственной Думы, в компетенцию которой по принятым в начале 1906 г. Основным законам Российской империи входило утверждение бюджета и производимых правительством займов. Если ранее проект бюджета утверждался императором по докладу министра финансов, то теперь все законопроекты, касающиеся бюджета, должны были обсуждаться в Думе, заключения которой утверждались затем верхней палатой - Государственным Советом и императором. Открывшаяся в конце апреля 1906 г. радикально настроенная Дума, по всей очевидности, отказалась бы вотировать подобную операцию, резко увеличившую государственную задолженность страны.

На Государственную Думу по закону было возложено рассмотрение и утверждение бюджетной росписи, подготовленной Министерством финансов. Полномочия первого российского парламента ограничивались, однако, положением Основных законов, согласно которому *"при обсуждении проекта государственной росписи не могут быть исключаемы или видоизменяемы такие доходы и расходы, которые не внесены в проект росписи на основе действующих законов, положений, штатов, расписаний, а также от Верховного управления последовавших"*. Ряд бюджетных статей, например смета императорского двора, вообще не подлежал думскому обсуждению. И все же с появлением Думы вопросы бюджетной политики впервые стали предметом широкого гласного обсуждения. То же касается и займовых операций правительства, которые отныне должны были проходить процедуру парламентских слушаний.

Свои окончательные очертания финансово-экономическая система Коковцова приобрела после 1907 г., когда наметилось политическое успокоение страны. Сам министр достаточно скромно оценивал свой вклад в разработку экономической стратегии. *"Я не был новатором в деле управления русскими финансами, - отмечал он в мемуарах, написанных уже в эмиграции, - и не проложил новых путей для экономического развития страны. Моя роль была гораздо более скромная - я старался сберечь, сохранить и развить то, что было сделано моими предшественниками..."* Он постоянно подчеркивал преемственность своей политики с линией Витте, а разницу усматривал прежде всего в том, что ему пришлось действовать в условиях войны и революции, приспособившись к Думе и считаться с фактом постоянного увеличения в бюджете военных расходов ввиду приближения мировой войны.

Экономическая политика правительства в начале XX в. строилась на традиционном "покровительственном" принципе по отношению к промышленности. Вместе с тем Коковцов выступал за параллельное с ней развитие сельского хозяйства как непереносимое условие расширения внутреннего рынка для промышленного производства, за ограничение казенного сектора экономики и поощрение частного предпринимательства, был, вслед Витте, сторонником привлечения иностранных капиталов в форме частных инвестиций, чему должна была способствовать устойчивая денежная система. В торгово-промышленной и думской среде его нередко критиковали за недостаточно активную политику, призывали к более энергичному финансовому воздействию на экономический рост, хотя бы и за счет новых займов на производительные цели. Коковцов же, озабоченный прежде всего устойчивостью бюджета и

денежного обращения, возражал оппонентам: "Сколько бы ни удостоверляли нам те или иные исследователи, что государственный долг невелик по сравнению с долгом других стран... что не следует вообще бояться займов, если они заключаются на производительные цели, - мы не должны успокаивать себя этими заверениями. Наш долг вырос слишком быстро и вне прямой соразмерности с подъемом нашего благосостояния..."

Продолжение политики Витте действительно требовало внесения существенных коррективов. Порожденный японской войной рост государственного долга ставил под сомнение прежний курс на расширение внешних позаимствований, выплата процентов по ним тяжелым бременем ложилась на бюджет. Дальнейший рост задолженности грозил потерей устойчивости всего государственного финансового хозяйства, которое впредь, по мысли министра финансов, должно было опираться в первую голову на внутренние ресурсы. Требовалось, вспоминал Коковцов, "покрывать обыкновенными доходами, не прибегая к займам, обыкновенные, а поскольку возможно - и чрезвычайные расходы государства..." "Мы должны, - убеждал он депутатов Государственной Думы, - стремиться к тому, чтобы вне пределов крайней необходимости не заключать займов. Для этого есть единственное средство - это средство блюсти то, что я называю бюджетным равновесием, соразмерять потребности государства с его средствами и жить в соответствии с этим". Свое кредо глава финансового ведомства любил выражать русской поговоркой: "По одежке протягивай ножки".

ДИНАМИКА И СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА Политика Коковцова облегчила выход из экономического кризиса начала 1900-х годов и способствовала быстрому росту государственного бюджета. За пятилетие перед Первой мировой войной он вырос на целый миллиард рублей, чем заслуженно гордился глава финансового ведомства. "Для нарастания первого миллиарда обыкновенных доходов, - отмечалось в официальном издании Министерства финансов, - потребовалось 30 лет (1867-1897), для второго - 11 лет (1898-1908), тогда как на третий миллиард доходы увеличились всего только за пять лет". Для Коковцова этот третий миллиард являлся "показателем того развития хозяйственной жизни страны, которое дало возможность покрывать столь же быстрое увеличение расходов государства".

Рост бюджета в немалой степени зависел от нового экономического подъема, который пережила Россия в канун мировой войны. Бюджет империи по традиции подразделялся на "обыкновенный" и "чрезвычайный". К "чрезвычайным" затратам относились прежде всего расходы на ведение войн, на ликвидацию последствий стихийных бедствий (неурожаи, наводнения и т.п.), большую часть "чрезвычайных доходов" казна получала за счет внешних и внутренних займов. В результате двойного счета финансовому ведомству удавалось сводить "обыкновенный" бюджет с положительным сальдо, реальный же дефицит проходил по графе бюджета "чрезвычайного". На протяжении XIX - начала XX в. суммарный бюджет заключался с неизменным дефицитом, и лишь в канун Первой мировой войны Коковцову удалось справиться с этой застарелой болезнью российских финансов. Благодаря экономическому подъему 1909-1913 гг. и введенному министром финансов режиму экономии расходных статей бюджета доходная часть суммарного российского бюджета наконец-то превысила расходную.

Государственный бюджет 1913 года (обыкновенный, чрезвычайный и суммарный) по сравнению с 1900 г. представлял следующую картину (см. табл. 4).

Таблица 4			
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТ РОССИИ ЗА 1900 И 1913 ГГ. (ОБЫКНОВЕННЫЙ, ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ, СУММАРНЫЙ) (МЛН РУБ.) *			
Обыкновенный бюджет			
Год	Доходы	Расходы	Баланс
1900	1704,1	1555,4	+148,7
1913	3417,4	3094,2	+323,2
Чрезвычайный бюджет			
Год	Доходы	Расходы	Баланс
1900	32,6	333,8	-301,2

1913	13,8	288,7	-274,9
	Суммарный бюджет		
Год	Доходы	Расходы	Баланс
1900	1736,7	1889,2	-152,5
1913	3431,2	3382,9	+48,3
*Россия. 1913 год. С. 153.			

Таким образом, доходная часть бюджета в начале XX в. выросла почти вдвое, тогда как расходная - в 1,8 раза. За счет опережающего темпа роста доходов и был достигнут положительный баланс суммарного бюджета. Динамизм бюджетных доходов был предметом особой гордости Коковцова, видевшего в нем показатель *"того развития хозяйственной жизни страны, которое дало возможность покрывать столь же быстрое увеличение расходов государства"*.

За счет чего же было достигнуто бюджетное благополучие империи? Финансовое ведомство достаточно скромно оценивало свои успехи, подчеркивая в официальном издании, что "ускорению нарастания государственных доходов, бесспорно, в значительной мере содействовало развитие двух крупных хозяйственных операций - железнодорожной и винной". Действительно, значительную часть бюджетных средств приносили доходы от эксплуатации казенных железных дорог, протяженность которых превышала 40 тыс. км из 70 тыс. км общероссийской сети, а также от введенной в 1895 г. С.Ю. Витте винной монополии, согласно которой государство являлось единственным продавцом крепких спиртных напитков.

В XX век Россия вступила, имея вторую по протяженности железнодорожную сеть в мире после США, причем 40% ее было построено в 1890-е годы. В среднем в тот период строилось ежегодно по 3 тыс. верст железных дорог, финансирование строительства велось почти исключительно государством, которое являлось и крупнейшим собственником железнодорожных линий, в 1890-е годы выкупив множество частных дорог у прежних владельцев. Если в 1889 г. 4/5 всей сети принадлежало акционерным обществам и лишь 1/5 - казне, то к 1902 г. картина кардинально поменялась: 2/3 дорог (35,5 тыс. из 53,3 тыс. верст) контролировало государство и лишь 1/3 - частный капитал.

Винная монополия, введенная на территории Европейской части страны в 1895-1897 гг., к 1905 г. охватила практически всю империю, включая западно- и восточносибирские области. Винокурение оставалось в частных руках, однако сырой спирт приобретался казной. Очистка спирта и изготовление водки производилось на частных заводах только по заказам казны и под наблюдением акцизного надзора. Продажа спирта, вина и водочных изделий составляла исключительное право государства. В городах водочные изделия в казенных лавках продавались с 7 час. утра и до 10 вечера, на селе в летние месяцы до 10, а зимой - до 8 часов вечера. Реформа не касалась изготовления пива, портера, браги и виноградного вина.

Доходная часть обыкновенного бюджета по источникам поступлений за 1900 и 1913 гг. выглядела следующим образом (см. табл. 5).

Таблица 5					
ДОХОДНАЯ ЧАСТЬ ОБЫКНОВЕННОГО БЮДЖЕТА ПО ИСТОЧНИКАМ ПОСТУПЛЕНИЙ, 1900 И 1913 ГГ. (МЛН РУБ.) *					
Источники поступлений	1900	% к итогу	1913**	% к итогу	1913 в % к 1900
1. Налоговые источники:					
Прямые налоги	131,9	7,7	272,5	8,0	206,6
Косвенные налоги	658,1	8,6	708,1	20,7	107,6
Пошлины	88,3	5,2	231,2	6,8	261,8

Винная монополия	117,9	7,0	899,3	26,3	762,8
Всего:	996,2	58,5	2111,1	61,8	211,9
2. Неналоговые источники					
Железные дороги	361,7	21,2	813,6	23,8	224,9
Остальные доходы	346,2	20,3	492,7	14,4	143,3
Всего:	707,9	41,5	1306,3	38,2	184,5
ВСЕ ДОХОДЫ	1704,1	100,0	3417,4	100,0	200,6
*Россия. 1915 год. С 154.					
**на 1913 г. - без сметных остатков от предыдущих лет.					

Доля налоговых источников доходной части обыкновенного бюджета в начале XX в. оставалась на уровне около 60%, а удельный вес неналоговых поступлений, связанных в первую очередь с хозяйственными операциями казны, составлял примерно 40%. Основными статьями дохода бюджета стали винная монополия и доход от железнодорожного хозяйства: если в 1900 г. они обеспечивали немногим более четверти (28,2%) обыкновенного бюджета, то в 1913 г. - уже половину (50,1%). Особенно бурно росла винная операция, объем которой за 13 первых лет XX в. вырос более чем в 7,5 раза. Продажа крепких напитков приносила казне практически столько же, сколько все прямые и косвенные налоги. И если ощутимый прирост доходов от эксплуатации казенных железных дорог, безусловно, может быть занесен в актив финансового ведомства, то усиленная продажа государством водки населению едва ли может быть отнесена к производительным операциям казны, хотя своей цели с точки зрения государственных финансов винная монополия достигла - она стала становым хребтом бездефицитного бюджета Коковцова.

В общественном же мнении винная монополия превратилась в предмет постоянных нападок на правительство со стороны думской оппозиции, окрестившей финансовое детище Коковцова "пьяным бюджетом". Парируя обвинения в "спаивании народа", Министерство финансов подчеркивало, что "казенка" скорее благо для жителей империи, так как государство гарантировало потребителю высокое качество водки. К тому же потребление алкогольных напитков в России росло медленнее, чем в других развитых странах: по размерам душевого потребления вина Россия занимала предпоследнее место в Европе.

Тем не менее, выраженный "алкогольный" характер государственной росписи доходов и расходов послужил предлогом для смещения главы финансового ведомства в начале 1914 г., незадолго до Первой мировой войны. Сменивший Коковцова на посту министра П.Л. Барк при официальном представлении императору так изложил свое кредо: *"Нельзя строить благополучие казны на продаже водки, необходимо ввести скорее подоходный налог"*. Правда, подоходный налог был введен в 1916 г., но до февраля 1917 г., т.е. до конца императорской России, так и не был собран. К реализации своей программы Барк смог приступить только в экстремальных условиях мировой войны, когда с введением "сухого закона" и громадными военными затратами резко изменилась структура российского бюджета.

В довоенный же период она оставалась достаточно стабильной. В расходной части бюджета выделялись две основные группы - расходы непроизводительные (военные, на содержание государственного аппарата, платежи по займам и др.) и производительные, направленные на бюджетное финансирование экономики и социально-культурные нужды (см. табл. 6). Как следует из данных таблицы, соотношение между производительной и непроизводительной сферой расходного бюджета сохранялось примерно на одном и том же уровне: непроизводительная сфера превалировала, хотя ее доля к 1913 г. несколько снизилась (с 61,8 до 59,1%). Удельный вес бюджетных расходов, ориентированных на стимулирование экономического роста и создание необходимых условий для народнохозяйственного прогресса (расходы на просвещение народа), поднялся с 38,2 до 40,9%, но рост этот, по оценке современников, был все же недостаточен для энергичного прорыва России в шеренгу индустриально развитых держав.

Таблица 6

СТРУКТУРА РАСХОДНОЙ ЧАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА

РОССИИ, 1900 И 1913 ГГ. (МЛН РУБ.) *				
Статьи расходов	1900		1913	
	сумма	% к итогу	сумма	% к итогу
НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ РАСХОДЫ:				
Военные расходы	483	25,6	965	28,5
Расходы по госдолгу	317	16,7	424	12,5
В том числе платежи за границу	130	6,7	183	5,4
Расходы на госаппарат	151	7,9	295	8,7
Затраты по сбору налогов	187	9,8	297	8,8
Прочие расходы	30	1,6	23	0,6
ВСЕГО	1168	61,8	2004	59,1
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ РАСХОДЫ:				
Вложения в государственные имущества и предприятия	572	30,2	1108	32,7
Бюджетные вложения в частный сектор	104	5,6	98	2,9
Расходы на просвещение	34	1,8	143	4,3
Прочие расходы	11	0,5	30	0,9
ВСЕГО	721	38,2	1379	40,9
ИТОГО	1889	100,0	3383	100,0
*Шебалдин ЮК Государственный бюджет царской России в начале XX в. // Исторические записки. Г. 65. X, 1959' С. 190.				

Представители образованного российского общества нередко упрекали Коковцова за недостаточно активную финансовую политику, призывали к более энергичному бюджетному воздействию на развитие производительных сил страны, хотя бы и за счет новых внешних займов. Государственный кредит, призывал один из видных экономистов того времени И.Х. Озеров, желательно использовать на постройку железных дорог, улучшение водных путей и т.п., в целях подъема экономического благосостояния населения и индустриального развития крестьянской России. Но Коковцов, как отмечалось, руководствовался прежде всего принципами воздержания от новых займов ради сохранения бюджетного равновесия.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ Правда, совершенно отказаться от займов он все же не мог. В 1909 г. была проведена очередная кредитная операция в Париже, где у местных банкиров удалось получить 525 млн рублей, необходимых главным образом для погашения краткосрочных обязательств казначейства выпуска 1904 г. В дальнейшем же вплоть до Первой мировой войны собственно государственных займов Россия на международном рынке не заключала. Зато получили развитие формально не государственные, но гарантированные правительством займы, предназначенные для расширения и модернизации российской железнодорожной сети. В итоге к 1914 г. государственный долг страны, по официальным данным, выражался суммой 8824,5 млн руб., в том числе 7153 млн - займы "на общегосударственные потребности" и остальные 1671,5 млн - долги по облигациям железнодорожных обществ. Платежи по займам в 1913 г. составили, например, 424 млн руб., и хотя их удельный вес несколько снизился за счет динамичного роста бюджета, но они по-прежнему являлись второй по значимости "непроизводительной" статьей после военных расходов империи.

По размерам государственного долга Россия в мировой таблице о рангах шла на втором месте после Франции и на первом - по абсолютным размерам связанных с займами платежей. Сравнительные данные о государственной задолженности ведущих мировых держав по имеющимся сведениям на 1907 г. представлены в таблице 7. Как видим, несмотря на внушительные размеры российского долга, в процентном отношении к бюджету займовые платежи соответствовали уровню Англии (около 19%), а "лидером" здесь являлась Франция, где эти платежи занимали более четверти государственного бюджета.

Таблица 7				
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ НА 1907 Г. (МЛН РУБ.) *				
Страна	Сумма долга	Платежи по займам	Расходная часть бюджета	% платежей к бюджету
Франция	11310	359	1358	26,4
Россия	8894	390	2028	19,2
Великобритания	7154	255	1356	18,8
Германия	5035	189	2283	8,3
США	1734	47	1355	3,5

*Мигулин W7. Русский государственный кредит (1769 -1906). Т. III Харьков, 1907, С. 1192.

Помимо госзаймов и гарантированных правительством железнодорожных фондов в состав государственного долга России должны быть включены и обязательства государственных ипотечных банков (Дворянского и Крестьянского). На 1913 г. государственную задолженность в целом образовывали как прямой долг казны в размере 8841,7 млн руб., так и железнодорожные облигации с гарантией государства (1741,5 млн), закладные листы Дворянского (823,8 млн) и свидетельства Крестьянского (1237,5 млн) банков, всего, таким образом, 12644,5 млн руб.

Средства от прямых позаимствований правительства на так называемые "общегосударственные потребности" и при Витте, равно как и при Коковцове, использовались на покрытие военных расходов, для расчетов по старым займам, для пополнения свободной наличности казначейства и т.п. цели, далекие от производительного употребления. Как отмечалось, министр финансов скептически относился к проектам совершения новых "производительных" займов, способных дать толчок экономическому росту и в дальнейшем обеспечить необходимые средства для покрытия платежей по этим займам. Финансовое ведомство было озабочено прежде всего выплатой уже имеющихся обязательств казны и сведением бездефицитного бюджета, без чего грозило рухнуть все строение государственных финансов.

Бездефицитный бюджет являлся козырной картой в отношениях с европейскими кредиторами, обеспечивая стабильный курс русских государственных фондов на иностранных биржах. С 1909 г. под влиянием общего экономического оживления "государственная роспись доходов и расходов", как официально именовался российский бюджет, стала заключаться с неизменно положительным сальдо. В этой относительно благополучной ситуации просьбы о новых займах могли только повредить финансовой репутации империи. Идеалом Коковцова был опирающийся на внутренние источники, "конституционный", т.е. утвержденный Думой, бюджет, призванный продемонстрировать Европе способность автократического режима к модернизации и вместе с тем незыблемость финансового положения империи.

По имеющимся уточненным данным, совокупный государственный долг империи в начале XX в. представлял собой следующую картину (см. табл. 8).

Таблица 8			
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ РОССИИ НА 1 ЯНВАРЯ 1900 И 1913 ГГ. (МЛН РУБ.)			
	1900 г.	1913 г.	Прирост (%)

Облигации госзаймов	6242	8873	2631
% к итогу	79,3	70,7	(29,3)
Железнодорожные займы	1063	1658	595
% к итогу	13,5	13,2	(35,9)
Ипотечные фонды	561	2025	1464
% к итогу	7,2	16,1	(72,3)
Всего	7866	12556	4690

*Бовыкин ВИ. Россия накануне великих свершений. М., 1988. С. 66.
Таблицы 6-7. Приводимые ВИ. Бовыкиным цифры базируются на официальных делопроизводственных материалах Министерства финансов.

Таким образом, общая сумма долговых обязательств правительства за тринадцать первых лет XX в. выросла с 7866 до 12556 млн руб., или на 37,3%. Темп прироста собственно государственных займов (29,3%) заметно уступал динамике капиталовложений в гарантированные облигации железных дорог (35,9%) и в особенности приросту ипотечных фондов (72,3%). Соответственно изменилась и структура государственного долга в целом: если в 1900 г. облигации госзаймов занимали почти 4/5 от общего итога (79,3%), то к 1913 г. их доля снизилась до 70%. Напротив, усиленная эмиссия закладных листов и свидетельств казенных ипотечных банков, связанная со столыпинскими преобразованиями в деревне, привела к подъему их удельного веса с 7,2 до 16,1%. Доля железнодорожных займов осталась примерно на том же уровне 13% от общего итога государственной задолженности.

По времени выпуска свыше 2/3 приходилось на займы, реализованные между 1887 и 1902 гг., предшествующие "старые" займы составляли всего 6%, а выпущенные в начале века - около четверти (26%). Чрезвычайные займы 1900-х годов обходились довольно дорого: средняя ставка стоимости займа в 1904-1909 гг. поднялась с 4-4,2% до 5,5%, а реализационная цена постепенно снижалась. При этом движение государственного долга отставало от динамики бюджета за счет проводимой Коковцовым политики "воздержания" от новых позаимствований: расходная часть бюджета за 1907-1913 гг. возросла с 2583 до 3383 млн руб., или на 31%, объем же государственного долга изменился незначительно (с 8625 до 8858 млн руб.). Из расчета государственной задолженности на душу населения Россия к 1913 г. занимала в Европе только десятое место (53 рубля на каждого жителя империи), значительно отставая от признанного лидера среди стран-должников - Франции (253 рубля).

Переходя к обзору внутреннего и внешнего долга в отдельности, необходимо заметить, что в российской официальной статистике займы подразделялись на "внешние" и "внутренние" в зависимости от предполагаемого места их реализации. Однако в действительности часть внешних займов реализовывалась в России, а облигации внутренних выпусков нередко приобретались заграничными держателями. Поэтому данные о размещении российских займов за рубежом получались путем довольно сложного перерасчета, о методике которого будет сказано ниже.

Примечательно, что долг внутренний, несмотря на шумную кампанию в правой и леворадикальной прессе против растущего "закабаления" России иностранным капиталом, рос опережающим темпом по сравнению с внешним, что свидетельствовало о постепенной переориентации займовой политики на внутренние резервы (см. табл. 9).

Таблица 9						
ВНУТРЕННИЙ И ВНЕШНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ РОССИИ, 1900 И 1913 ГГ. (МЛН РУБ.) *						
Год к 1 января	Внутренний долг	% к итогу	Внешний долг	% к итогу	Всего	%
1900	3871	49,2	3995	50,8	7866	100
1913	7095	56,5	5461	43,5	12556	100

Прирост (%)	3224 (83%)	1466 (36%)	4690 (60%)
*Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. М., 1988. С. 66.			

Долг внутренний за 1900-1913 гг. поднялся на 3224 млн руб., или на 83%, тогда как внешний - на 1466 млн, или на 36%. В итоге же удельный вес внутреннего долга к 1913 г. превысил внешнюю задолженность, составив 56,5% против 43,5%, хотя еще в начале века соотношение их было практически равным. Благодаря интенсивному экономическому развитию накануне мировой войны внутренние источники стали играть решающую роль при формировании государственной задолженности. "В тяжелые 1904-1908 годы, - отмечалось в официальном издании финансового ведомства, - значителен был приток иностранного капитала, главным образом, по займам казны. В 1909-1913 же годы русский денежный рынок удовлетворял, большей частью, собственными средствами предъявляемый страной спрос на капиталы. Участие внутреннего рынка в размещении русских процентных бумаг постепенно возрастало, несмотря на быстрое увеличение их выпуска из года в год".

Облигации государственных займов, гарантированные правительством бумаги железнодорожных компаний и фонды казенных ипотечных банков расходились среди состоятельных слоев населения империи - держателями их были коммерсанты, ремесленники, духовенство, офицерство, лица "свободных профессий" (врачи, адвокаты и т.п.), зажиточная деревенская верхушка и др. Для помещения госфондов в "твердые" руки правительство использовало систему государственных сберегательных касс, в которых незадолго до мировой войны насчитывалось более 2,5 млн вкладчиков. Наличными деньгами на счету клиент мог держать не более 1 тыс. рублей. При увеличении вклада сверх этой нормы "излишки" переводились на покупку государственных ценных бумаг. Общая сумма инвестиций из средств сберкасс в свидетельства государственных и гарантированных займов к 1914 г. составляла 2090 млн руб., или без малого треть всего внутреннего долга.

Таблица 10			
СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ РОССИИ ПО ОБЪЕКТАМ ВЛОЖЕНИЯ НА 1 ЯНВАРЯ 1914 Г. (МЛН РУБ) *			
Вид обязательств	Внешние	Внутренние	Итого
«Общие нужды»**	1591	4131	5722
% к итогу	27,8	72,2	100,0
Железнодорожное строительство***	3546	1270	4726
% к итогу	75,0	25,0	100,0
Казенная ипотека****	267	1940	2207
% к итогу	12,1	87,9	100,0
Всего	5404	7341	12745
*Бовыкин В.И. К вопросу о роли иностранного капитала в России // Вестник Московского университета. 1964. № 1. С. 70. **«Общие (или «общегосударственные») нужды» - расходы на цели внутренней и внешней политики правительства из займовых средств. ***Затраты на строительство и эксплуатацию железных дорог в форме государственных и гарантированных правительством целевых железнодорожных займов. ****Казенная ипотека - обязательства государственных земельных банков, Дворянского и Крестьянского.			

На какие цели использовались поступления по государственному долгу? Со времен Витте идеологической основой расширения государственной задолженности являлся тезис о недостатке в России внутренних накоплений. Но, как видно из данных табл. 10 о структуре внешних и

внутренних государственных обязательств по объектам вложения, те немалые внутренние ресурсы, которые стягивались в казну по государственным обязательствам, отвлекались от производительного помещения.

Почти три четверти "общих нужд" империи, т.е. расходов, связанных с государственным управлением и целями внешней политики, покрывалось за счет внутренних накоплений. Железнодорожную сеть страны, напротив, на три четверти субсидировали из внешних займовых источников. Внутренние накопления более производительно использовались в сфере казенного ипотечного кредита, где в условиях столыпинской аграрной реформы значительных масштабов достигла деятельность обоих казенных банков. В целом можно сказать, что внутренний долг накануне мировой войны служил целям финансирования правительства и его ипотечных банков, внешний же использовался как компенсатор внутренних накоплений, отвлеченных через систему государственного кредита на непроизводительные цели.

Что касается задолженности императорской России отдельным странам-кредиторам, то соответствующие подсчеты были произведены в Кредитной канцелярии Министерства финансов и затем использованы советской делегацией на Генуэзской конференции 1922 г. В этих материалах выделены данные по каждой из стран-кредиторов. Расхождения с итоговой цифрой иностранных капиталовложений к 1913 г. (соответственно 5461 и 6330 млн руб.) объясняются главным образом тем, что в последнем случае подсчеты были произведены по состоянию на середину 1914 г., когда Россией были осуществлены новые займовые операции на международном рынке по статье гарантированных правительством железнодорожных займов. Для исчисления суммы задолженности использовался метод капитализации сумм, ежегодно расходуемых на погашение займов и выплату процентов в данной стране. Обязательной регистрации ценных бумаг тогда не применялось, и метод капитализации является единственно возможным, хотя и не абсолютно точным инструментом статистики, улавливающим количественные пропорции кредиторской претензии разных стран.

Таким образом, главным заимодавцем российского императорского правительства являлась республиканская Франция, в которой было размещено без малого 60% русских фондов за границей. С конца 1880-х годов эта страна в списке иностранных кредиторов империи заняла место Германии и стала главным рынком эмиссии русских внешних займов. Подчеркнем, однако, что часто звучавший в советской литературе мотив о политической подоплеке внешних операций российской казны, о переходе России от германской к французской ориентации под влиянием смены финансовых приоритетов при всей своей внешней убедительности не находит подтверждения в исторической реальности. Взаимоотношения политики и экономики носят более опосредованный характер, нежели догматические представления о подчинении политической "надстройки" экономическому "базису".

Таблица 11

ДОВОЕННАЯ ВНЕШНЯЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ РОССИИ (МЛН РУБ.) *

Страны-кредиторы	Госзаймы	Железно-дорожные займы	Ипотечные фонды	Итого	% к итогу
Франция	3006	600	180	3786	59,8
Германия	400	525	50	975	15,4
Голландия	450	125	-	575	9,1
Англия	250	250	-	500	7,9
Прочие (Италия, Швейцария, Бельгия)	494	-	-	494	7,8
Всего	4600	1500	230	6330	100,0

*Претензии Советского государства к странам, ответственным за интервенцию и блокаду, 8 мая 1922 г. Приложение. Баланс № 1. Пассив

Более 1/6 внешней задолженности России было размещено в Германии, причем русская казна осуществляла здесь кредитные операции не только во времена Бисмарка, но и в начале XX в., когда отчетливо наметилось противостояние блока Антанты и "срединных держав". С другой стороны, будущая союзница России в мировой войне, Великобритания, не слишком охотно открывала свой внутренний рынок для иностранных ценностей и по объему "русских долгов" уступала маленькой нейтральной Голландии, банкиры которой традиционно оказывали финансовые услуги российским императорам. В списке кредиторов отсутствуют США, предоставившие России кредиты позднее, уже в годы Первой мировой войны.

К моменту мирового военного столкновения государственный долг России, после резкого скачка 1904-1906 гг., стабилизировался и обнаружил тенденцию к ослаблению внешней зависимости за счет опережающей динамики внутренних капиталовложений. Структурные изменения государственной задолженности наряду с бездефицитным бюджетом и основанным на золоте денежным обращением являлись необходимыми условиями успешного функционирования финансовой системы позднеимперской России. Правда, проводимая Коковцовым политика воздержания от новых заграничных займов не отрицала принципиальной их для России необходимости, а предусматривала лишь передышку для международного рынка, уже насыщенного русскими фондами. *"Для экономического нашего развития, - отмечалось по этому поводу в официальном издании российского финансового ведомства, - мы, вероятно, еще долго будем вынуждены прибегать к помощи иностранного капитала, а следовательно, будем увеличивать нашу заграничную задолженность и текущие по ней платежи"*.